

УДК 811.161.1'374.3

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРУШКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Дядечко Людмила

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Киев, Украина

В статье дается определение понятия «языковые игрушки», демонстрируется использование крылатых выражений (разновидности прецедентных текстов) в речи представителей разных возрастных групп, начиная от самой младшей.

Ключевые слова: крылатые выражения, языковая игра, языковые игрушки.

В психологии давно признано, что каждый человек реализует себя в процессе деятельности, которая принимает разнообразные формы, в том числе игровую. В отличие от занятий физическим или умственным трудом игра не преследует цели создания конкретных материальных благ в принципе, ее главная задача – заполнение досуга, получение удовольствия, проявление себя в иной, не связанной с профессией сфере, а для детей она является прежде всего подготовкой к самостоятельной жизни. Решение столь глобальной задачи предполагает, что в игру может вовлекаться все, что окружает человека, но, естественно, наиболее органичны для игровой ситуации издавна существующие во всех культурах мира, специально изготавливаемые предметы – игрушки.

Законам игрового поведения подчиняется и язык. Игра со словами, их формами, конструкциями, контекстами получила название языковой. Она возможна на любом уровне языка – начиная от фонетического (вспомним знаменитое *качество* и *коликчество* из репертуара А. Райкина или *энтузиизм* Е. Петросяна) и заканчивая синтаксическим (*Вас здесь не стояло!* – неправильно составленная фраза, которую А. Ахматова услышала в очереди и сделала достоянием интеллигенции). Кроме того, она затрагивает не только формальную, но и содержательную сторону: сравн. каламбурное сталкивание разных значений слова (*Шел дождь и два студента*), оживление внутренней формы фразеологизма (*От этого фильма у лысого волосы дыбом встают*), окказиональное словотворчество (*кап-капремонт*) и пр. Основное предназначение языковой игры состоит в том, чтобы, взорвав фейерверком преобразований дремотное клише, удивить, заинтриговать, развеселить собеседника.

Как феномен речевого общения она отличается от собственно игры – ритуализованного действия, причем не только тогда, когда язык выступает в качестве вспомогательного или организующего средства (при объяснении правил, распределении ролей с помощью считалок и под.), но и тогда, когда он выполняет ключевую – игроформирующую – функцию, как при разгадывании шарад, игре «В балду», «В барыню» и др. Такие игры (фольклористы называют их словесными)

сохраняют свою развивающую и развлекательную направленность. (Примечательно, что различие подчеркивается в самом языке предложным управлением: игра *со словами* – это языковая игра, игра *в слова* – словесная игра.)

Как способ экспрессивизации речи языковая игра строится не на простом отступлении от стандарта, наблюдаемом даже в выдержанных в классически строгих тонах, но, безусловно, выразительных художественных или публицистических текстах, а на дерзком несоблюдении нормы, ее предельном нарушении, т. е., по сути, на грубой ошибке. Такая ошибка совершается сознательно, и в этом отношении она не похожа на те, которые допускают дети и иностранцы в период освоения языка или малограмотные люди. При случайной ошибке, обмолвке смех, улыбка слушающего вызывает недоумение или обиду, и наоборот, играя со словом, говорящий рассчитывает на одобрительную реакцию собеседника, разглядевшего в ошибке своеобразную провокацию, пережившего момент радостного и внезапного озарения, ощущение сопричастности с родственной душой. Пройти этот тест можно лишь обладая общей с говорящим базой знаний о мире, более или менее совпадающими культурными ориентирами, сходным языковым вкусом и, конечно же, владея правилами игры со словом.

Приемы языковой игры подробно описаны лингвистами [2; 5], один из них – цитирование – основывается на наличии уже существующих словесных комплексов, представляя собой введение в сообщение целиком либо отдельным фрагментом чужих или своих (только ранее созданных) текстов с возможной, но не обязательной трансформацией. Это готовые игрушки для языковой игры – тексты-игрушки. Бери их и бросай в словесную сеть коммуникации (чем не мяч?!).

Следует учитывать, однако, что цитирование как прием языковой игры, или интертекстуальная языковая игра, не имеет ничего общего с декламацией и принципиально отличается от тех случаев, когда обращение к чужому слову выступает жанрообразующим фактором, как при создании вариаций, пародий, цитонтов (назовем это интертекстуальной литературной игрой). Жанр вариации распространен даже в детском фольклоре, где наиболее часто в последнее время осовремениваются считалки, например: «На золотом крыльце сидели / Микки Маус, Том и Джерри, / Дядя Скрудж и три утенка, / Выходи – ты будешь Понка!».

Разумеется, не всякий раз отступление от оригинала при чтении художественного произведения означает, что имеем дело непосредственно с интертекстуальной литературной игрой. Если трехлетний мальчик произносит: *Уронили мишку на пол, Оторвали мишке лапу. Не брошу я, Хороший он* (интернет-ж. «Солнышко», вып. 130), – то это, скорее всего, ошибка памяти, хотя для взрослых выглядит забавно. Элемент игры-творчества со стороны говорящего проявляется тогда, когда текст переиначивается нарочно. В этих же стихах в интерпретации девочки того же возраста: *Уронили мишку на пол, / Оторвали мишке лапу! / Все равно его не брошу, / Потому что он ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК!* (7ya.ru, 08.06.2001), – уже просматривается желание отразить собственное отношение к изображенному в произведении персонажу. Этот случай приближен к ироническому парафразированию, получившему свое развитие во взрослой литературе, в частности, на материале стихов для детей и в наше время осмеяния всего и вся

обильно представленному на интернет-сайтах в жанре травести, язвительного, уничтожающего: *Уронили Мишку на пол, / Оторвали Мишке лапу, / А потом набили рожу, / Кислотой облили кожу...* – и т. д. (ocf.berkeley.edu).

Литературное пародирование – это своего рода кривляние, сродни детской игре в дразнилки, на что обратила внимание еще А. Ахматова в разговоре с Ф. Раневской. Актриса вспоминала: «Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало, мешало мне слушать ее. К тому же, я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я сказала об этом Анне Андреевне. «Сжала руки под темной вуалью» – это тоже мои Мули, – ответила она» [4].

Совершенно иную нацеленность имеет интертекстуальная языковая игра, при которой цитата используется в качестве средства номинации, характеристики некоторой реалии или ситуации.

Игровые свойства цитаты объясняются тем, что она разрушает линейность высказывания, не просто раздвигая его смысловые рамки путем апеллирования к иному, нежели описываемый, факту, но сталкивая два кода, два способа представления действительности, т. е. две речевые личности – говорящего и цитируемого автора, уже выразившего свое понимание аналогичного явления, ситуации в конкретной, характерной для его стиля словесной форме. Если цитирование как прием языковой игры используется без прямых указаний на источник, то это усиливает игровой момент. Высказывание со скрытой цитатой, превращающейся в крылатое выражение с более-менее устойчивым составом, за которым закрепляется новое, отличное от исходного, представленного в первоисточнике содержание, всегда таит интригу: распознает ли собеседник чужие слова, вспомнит ли ситуацию, когда они впервые прозвучали, разгадает ли двойную соотнесенность сказанного?

Положительный ответ на эти вопросы гарантируется, как минимум, знанием соответствующих текстов, накопление которых осуществляется постепенно. Именно поэтому многие ученые считают, что крылатые выражения – прерогатива речи интеллигенции и что дети не включаются в интертекстуальную языковую игру. Но в действительности эта игра имеет лишь незначительные возрастные ограничения. Живя в обществе, ребенок погружен в мир текстов, которые формируют его как языковую личность. Помимо воли человека текстовые фрагменты запоминаются, входят в его лексикон и прагматикон, нередко неся на себе отсвет именно того текста, в котором встретились впервые. На эту особенность обращалось внимание в литературе. Л. Боровой в своей книге «Путь слова», рассказывая о названии Лукоморье, которое можно найти и в древних летописях, отмечал, что запомнилось оно «всем и каждому “из Пушкина” и уже неразрывно срослось со знаменитой пушкинской строчкой». Установление ассоциативных связей такого типа у значительной части лингвокультурного сообщества, отвечающих за эффективность языковой игры с использованием чужих текстов, обеспечивается прежде всего государственной учебно-воспитательной программой, общим кругом чтения и тотальным воздействием национального телевидения,

тиражирующего произведения разных видов искусств и создающего собственные тексты со словесным компонентом.

Для русских детей формирование базы текстов, обычно вслед за Ю. Н. Карауловым обозначаемых как прецедентные [3, с. 216], начинается чаще всего со сборника стихотворных миниатюр с примечательным и пророческим для интертекстуалистики названием «Игрушки» А. Барто. Параллельно усваиваются народные и пушкинские сказки, стихи С. Маршака, С. Михалкова, К. Чуковского, диалоги из любимых мультфильмов о Винни-Пухе, Карлсоне, дяде Федоре, Чебурашке, крокодиле Гене.

Слыша из уст взрослых отрывки знакомых текстов, малыши распознают интертекстуальные загадки – языковые игрушки. Приходилось наблюдать такие сценки. «Ну что, *весь до ниточки промок?*» – обращается мать к расстроенному сынишке, попавшему под ливень, и у того сразу появляются веселые искорки в глазах. «*Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч*», – успокаивает прохожий огорченную девочку, уронившую любимую игрушку в лужу. И в ответ немножко с обидой: «Я не Танечка», – но детское горе уже отступило.

На знание прецедентного текста, без сомнения, рассчитывает и детский писатель, включая в высказывание своего героя оборот из него: [*Незнайке, которому не досталось картошки.*] «Ну, сам виноват, – сказал Стрига. – Не будешь зевать в другой раз. Здесь знаешь какой народ? На ходу подметки отрежут. Нос оторвут, так что не заметишь, *дурачина ты, простофиля!*» (Н. Носов, «Незнайка на Луне», гл. 10, в сокр.).

Дети способны не только распознать языковые игрушки, но и творчески их использовать в своей речи. Так, в концовку приведенной современной вариации детской считалки: *Не хочу я Понкой быть. / Понка в школу не пошла, / Понка денежку нашла*, – включена измененная цитата из сказки К. Чуковского «Муха-цокотуха».

Так как мир взрослых и мир детей не разобщены, то в лингвокультурном багаже современного ребенка оказываются и тексты, вовсе для него не предназначенные: «В России пока и не задумываются над тем, что телезрителями становятся с младенчества. И если умных и добрых телевизионщиков было бы чуть больше, они бы уже создали передачи обучающего характера для самых маленьких (до трех лет), как это делают, скажем, в Японии. Сейчас же роль телевизионного дидактического пособия для малышей играет реклама. «Кто не знает, тот отдыхает», «съел и порядок», «пью и писаю», – послушно повторяют малолетние вслед за роликами» (газ. «Культура», 1998, № 10).

С другой стороны, знакомые фразы из произведений для детей становятся языковыми игрушками взрослых. Первую группу составляют крылатые выражения из детского фольклора: оборот из словесной игры «В барыню» «*Да*» и «*нет*» не говорите – об умении вести тонкую дипломатическую игру; начальные строки считалок *Аты-баты – шли солдаты* и *На золотом крыльце сидели* – в публицистике используются в качестве заголовка статей: первые – о солдатской жизни, вторые – о том, кто занимает почетное или доходное место; зачин докучной сказки *У попа была собака, он ее любил...* – о неоправданном, надоедливом повторении;

обращение из дразнилки *Рыжий, рыжий, конопатый!* – о рыжеволосом человеке с веснушками; загадка *Висит груша – нельзя скушать* – образное обозначение чего-либо недоступного, напр.: *Висит груша – нельзя скушать? 250 тысяч за рождение второго ребенка на руки не выдадут* (Труд, 17.05.2006); отдельные фрагменты из русских и иностранных волшебных сказок: *Встань передо мной, как лист перед травой; Не пей, Иванушка, козленком станешь; Ваша мать пришла, молочка принесла!*; *Али-Баба и сорок разбойников; тысяча и одна ночь* и др.

Во вторую группу можно отнести цитаты из стихотворных и прозаических произведений определенного автора: *остаться у разбитого корыта; Там русский дух, там Русью пахнет* (А. Пушкин); *золотой ключик; поле чудес; страна дураков* (А. Толстой); *рассеянный с улицы Бассейной* (С. Маршак); *Не ходите, дети, в Африку гулять; от двух до пяти; Что вам надо? – Шоколада* (К. Чуковский); *Дело было вечером, делать было нечего* (С. Михалков); *цветик-самоцветик* (В. Катаев); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. де Сент-Экзюпери) и мн. др.

Третья крупная группа представлена оборотами из отечественных и зарубежных кинематографических произведений для детей, прежде всего мультипликационных: *Поели – можно и поспать* (м/ф «Дюймовочка»); *Ну, заяц, погоди!* (м/ф «Ну, погоди!»); *Спокойствие, только спокойствие; Пустяки, дело житейское* (м/ф «Карлсон, который живет на крыше»); *Индийская национальная изба – “фиг-вам” называется* (м/ф «Зима в Простоквашино»); *Кто там? – Это я, почтальон Печкин* (м/ф «Трое из Простоквашино»); *Мы с тобой одной крови* (м/ф «Маугли»); *Кажется, дождь начинается...* (м/ф «Винни-Пух и его друзья»), *Муля, не нервируй меня!* (к/ф «Подкидыш»), *Мальчишкам и девчонкам, а также их родителям* (киножурнал «Ералаш») и пр.

Популярность многих выражений из литературных произведений поддерживается песенным переложением и экранизацией первоисточников. Так, «Болтунья» А. Барто (из стихотворения выделились сразу две крылатые фразы *А болтать-то мне когда? Мне болтать-то некогда!* и *Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота*) была положена на музыку С. Прокофьевым и уже как вокальная миниатюра включена в школьные программы по музыке, что обеспечило всеобщую узнаваемость соответствующих фрагментов.

В целом, однако, число вошедших в русский язык строк из песен для детей невелико, особенно в сравнении с количеством крылатых оборотов из песенного репертуара взрослых. Можно назвать несколько выражений из пионерских песен: *Взвейтесь кострами, синие ночи!*; *Ах, картошка, – объеденье, пионеров идеал!*; *Орлята учатся летать; Гайдар шагает впереди* (последнее используется с заменой начального компонента).

Единичны также случаи, когда названия произведений несловесных форм искусства, связанных с отражением жизни ребенка, включаются в языковую игру. Это название картины Ф. Решетникова «Опять двойка!», используемое как заголовок публикаций о воспитательной функции оценки в школе или же о неумелых действиях руководителей. Условно в эту группу можно включить оборот *танец маленьких лебедей* – название одного из номеров балета П. И. Чайковского, в устной речи обычно служащее для обозначения комичного, пародийного танца.

Многие из названных выражений встречаются в современной литературе. К экспрессивному, игровому свойству оборотов из произведений для детей обращаются писатели-постмодернисты, для которых цитация стала одной из определяющих стилистических черт, напр.: *Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический «цветик-семицветик» другому* (С. Минаев, «Духless: Повесть о ненастоящем человеке»), – и авторы, работающие в традиционном реалистическом ключе: *«О-о! – весело округлил глаза датчанин. – Вы знаете, доктор Стригалов, я у него сегодня ночевал. Я спал на седьмом небе. Как принцесса на горошине»* (В. Дудинцев, «Белые одежды»).

Диапазон описываемых с помощью текстов-игрушек явлений весьма широк – от возвышенных до шутливо-иронических, а нередко и саркастических, ср.: *...независимо от того, во дворце или в каморке живет человек – дверь, ведущая к Истине, находится рядом с ним. При этом Истина для всех одна. И личные воспоминания каждого – золотой ключик к ней* (А. Костюнин, «Земное притяжение»); *Жил-был добрый дурачина-простофиля, Куда только его черти не носили!* (В. Высоцкий, «Жил-был добрый дурачина-простофиля...»).

При включении в повествовательную ткань обороты нередко приспособляются к новому контексту, органично вплетаясь в нее: *В комнате, когда Буров проснулся, царил полумрак. <...> Не понять, то ли утро, которое вечера мудренее, то ли вечер, которым делать нечего.* (Феликс Разумовский, «Смилодон в России»), – или видоизменяясь с целью усиления экспрессивного заряда фразы: *«Здесь русский дух! – весело гаркнул он [Филькин]. – Здесь баней пахнет! Помоемся, Боря, попаримся!»* (В. Астафьев, «Пастух и пастушка»).

В разговорной речи – основной сфере функционирования цитат из текстов, предназначенных для детского восприятия, – в полной мере реализуется неумное стремление народа к карнавализации, к разрушению официозности в общении ради естественности, к разрядке после возникшей в разговоре напряженности посредством шутки, иронии.

В традициях народной смеховой культуры свободное обращение с цитатами, когда весьма серьезное высказывание превращается в балаганное. Смелое преобразование текстового фрагмента – это продолжение языковой игры, похожей на игру с трансформерами. Так в живой разговорной стихии рождаются языковые игрушки-трансформы. Очень редко они сохраняют память о своем конструкторе. Многим, например, известно имя И. Губермана, переиначившего начальные строки стихотворения С. Щипачева «Пионерский галстук» *Не стесняйся, пьяница, носа своего, он ведь с нашим знаменем цвета одного*, в таком виде получившие широкое хождение на правах пословицы, характеризующей внешний вид пьяницы или простуженного человека. Чаще же автор переделки вовсе не известен, как у фразы *Аты-баты, или дебаты: За время, пока «аты-баты, или дебаты», чиновничество обогатило теорию открытием, что теперь ключевая фигура – не хозяин земельного пая, не – тем более – фермер, даже не бывший колхоз, а инвестор* (Комс. правда, 18.04.2002) – или у многочисленных трансформаций концовки четверостишия «Мячик» А. Барто, среди которых особенно популярны два

перевертыша: 1) *Тише, Танечка, не плачь, а то будешь там, где мяч!*; 2) *Тише, Танечка, не плачь: ставь пузырь – достанем мяч!* – шутливое обещание говорящего помочь устранить неприятность, решить проблему при соответствующем вознаграждении.

Широта охвата разнообразных жизненных коллизий, которые могут быть охарактеризованы с помощью цитат из произведений для детей, вхождение этих цитат в фонд общих знаний, узнавание интертекстуальных языковых игрушек, обычных и трансформированных, и частота обращения к ним позволяют без преувеличения сказать, что и в младенчестве, и в старости вся наша речь – игра.

Список литературы

1. Дядечко Л. П. «Я свидетель! А что случилось?», или Крылатые выражения А. Барто как доказательство демократизации языка / Л. П. Дядечко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 1. – С. 2–9.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
4. Раневская Ф. Г. Случаи, шутки, афоризмы / Ф. Г. Раневская. – М.: Издатель ЗАХАРОВ, 2000. Цит. по: <http://bookz.ru/authors/faina-ranevskaa/ranevf01/page-3-ranevf01.html>
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 544 с.

Дядечко Людмила. Мовні іграшки для дітей і дорослих / Людмила Дядечко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 308–314.

У статті подано визначення поняття «мовні іграшки», репрезентовано використання крилатих слів (різновиду прецедентних текстів) у мовленні представників різних вікових груп, починаючи з наймолодшої.

Ключові слова: крилаті слова, мовна гра, мовні іграшки.

Diadechko Liudmila. Language Toys for Children and Adults / Liudmila Diadechko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 308–314.

The article defines the concept of "language toys" and shows the way winged words (a type of precedent texts) are used by different age groups starting with the youngest.

Key words: winged words, language game, language toys.

Стаття надійшла до редакції 10 березня 2012 року